
Военная история Сибири XVII в.: дискуссионные вопросы

Николай Никитин

Siberia's military history of the seventeenth century: some controversial issues

Nikolay Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В последние два десятилетия изучение военных факторов русской колонизации Сибири конца XVI – начала XVIII в. стало одним из ведущих направлений нашей историографии. Естественным следствием повышенного внимания к сибирской военной истории (и, соответственно, увеличения числа исследователей, ею занимающихся) стало появление множества вопросов, по-разному трактуемых в литературе. Без их хотя бы элементарной, первичной систематизации трудно представить себе дальнейшее развитие отечественного сибиреведения.

Дискуссионные вопросы военной истории Сибири естественным образом делятся на «общие» и «частные», «важные» («концептуальные») и «второстепенные», на те, по которым среди исследователей вполне возможны или уже намечаются компромиссы, и те, где спорящие стороны далеки от «консенсуса». Различия в «степени дискуссионности» этих вопросов в большинстве случаев обусловлены скудостью источниковой базы или слабой её изученностью, а также разными методологическими подходами к теме, но порой в основе расхождений лежит элементарное невежество авторов, незнание ими давно введённого в научный оборот материала, и в последнем случае «дискуссионными» их точки зрения можно считать лишь условно.

Характерный тому пример – взгляды известного учёного, создателя оригинальной теории этногенеза Л.Н. Гумилёва на происхождение казаков Сибири. Вот как оно выглядит в его изложении: «В XIV в. потомки обрусевших хазар сменили русское название “бродники” на тюркское “казаки”. В XV–XVI вв. они стали грозой степных ногаев и, перенеся войну в Сибирь, добились последнего хана Кучума. Получив подкрепление от московского правительства, они за один век прошли Сибирь до Тихого океана. Нуждаясь в пополнении, они охотно принимали в свои отряды великороссов, но всегда отличали их от себя. Всех вместе их принято называть землепроходцами». «С самого начала освоения Сибири казаки шли на восток не одни, – пишет Гумилёв. – В конце XVI – начале XVII в. активно шло в Сибирь и население Русского Севера, прежде всего жители Великого Устюга, желавшие попытать счастья за Каменным поясом. Обычно каждый отряд (ватага), отправлявшийся в Сибирь, состоял из основного ядра – казаков – и примкнувших к ним устюжан. Все они назывались “землепроходцами”. Казаки и великороссы вместе продвигались через дикие места, перетаскивали лодки через пороги, сражались

плечом к плечу и при этом всегда помнили, кто из них казак, а кто русский – устюжанин»¹.

В этом пассаже уважаемого учёного сплошь либо грубые ошибки, либо бездоказательные и противоречащие данным науки утверждения. И это не только ничем не обоснованная «концепция» происхождения казачества от «обрусевших хазар». Хорошо и давно известно, что Кучум был не «ханом степных ногаев» (хотя и находился в союзе с ними), а чингисидом, пришедшим в Сибирь из Бухары², что русские прошли от Урала до Тихого океана не «за один век», а менее чем за полвека (поход Ивана Москвитина). А главное, все имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что не вольные казаки, положившие начало «покорению Сибири», принимали в свои отряды «великороссов» при дальнейшем движении «встреч солнца», а как раз наоборот: выходцев из вольного казачества за Уралом в XVII в. порой включали в воинские подразделения, набранные из лиц, никогда вольными казаками не бывших. Как убедительно доказано трудами нескольких поколений отечественных историков, устюжане и прочие представители северорусского населения составляли в XVII в. абсолютное большинство переселенцев за Урал в целом и сибирских гарнизонов в частности. А выходцы с Дона, Терека и других казачьих рек после похода Ермака попадали в Сибирь сравнительно редко и, как правило, лишь в качестве ссыльных, теряя свой «вольный» статус. Источников по истории казачества Сибири сохранилось довольно много, и мы можем выяснить личный состав сибирских гарнизонов XVII в. поимённо (а казаков, не прикрепленных ни к одному из гарнизонов, за Уралом тогда не было), и эти источники однозначно свидетельствуют, что немногочисленные выходцы из вольного казачества в Сибири по статусу ничем не отличались (и никак не отличали себя) от «великороссов»³.

Мнение Л.Н. Гумилёва на этот счёт, похоже, строилось лишь на впечатлениях известного этнографа В.Г. Богараза от общения с казаками XIX – начала XX в., которые уже прониклись сословным чванством и, действительно, стремились всячески дистанцироваться от «мужиков»⁴, но к реалиям XVII в. это отношения не имеет. Единственное, в чём можно согласиться с Гумилёвым и Богоразом, так это в том, что землепроходцы («казаки-завоеватели») в большинстве своём «были людьми неукротимой храбрости и стихийной инициативы» (т.е., по терминологии Гумилёва, «пассионарными»)⁵.

Позиция некоторых наших крупных историков, обращающихся к военной истории Сибири, порой вообще выглядит довольно странно – по меньшей мере, не логично. Вот одна из типичных для современного сибиреведения ситуаций. В последние годы новые подтверждения получило уже высказанное в литературе (но в своё время весьма сдержанно встреченное научным сообществом) мнение о том, что военная активность Русского государства за Уралом нередко носила вынужденный характер, определявшийся необходимостью нанесения

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289; *он же*. От Руси к России. М., 1994. С. 258.

² См., например: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 190–201; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 103–104; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 199, 208–210, 372–373.

³ См.: Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 26–27; *он же*. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 5–6.

⁴ См.: История казачества Азиатской России. Т. 2. Екатеринбург, 1995. С. 137.

⁵ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 289.

ответных и превентивных ударов. Не только сибирский, но и мировой опыт показал, что именно активная оборона, т.е. перенос боевых действий на территорию противника, часто являлась единственным продуктивным способом предотвращения регулярных набегов кочевников на оседлое население. Кроме того, русским часто приходилось отправляться в военные походы в ответ на просьбы ясачных людей (т.е. новых российских подданных) о защите от вражеских нападений⁶. Но у такой трактовки событий на Севере Азии появились решительные противники, и один из них – профессор МГУ, известный археолог Л.Р. Кызласов.

Ещё С.В. Бахрушиным и В.А. Александровым было установлено, что на верхнем Енисее русские натолкнулись на *встречное* движение киргизов и бурят, которые, опираясь на поддержку монгольских и джунгарских правителей, сами претендовали на взимание дани с аборигенного населения этого региона⁷. Будучи основанной на обширном документальном материале, эта точка зрения получила отражение и в академическом издании «Истории Сибири», вышедшем в 1968 г.⁸ Л.Р. Кызласов отреагировал на неё 34 года спустя следующим образом: «Поражает степень безнравственности некоторых авторов этого “учёного” труда. В “агрессии” (это в XVII веке! – Л.К.) ими были обвинены не царские воеводы и воинские люди, завоевавшие и разграбившие коренные земли сибирских народов, а, напротив, местные “киргизские и бурятские князцы”. Как раз те самые, которые в упорной борьбе защищали собственные земли от завоевателей, не поддаваясь злой воле царских сатрапов»⁹.

Что ж, оценки событий далёкого прошлого с использованием современной политической терминологии (в том числе термина «агрессия»), действительно, нежелательны, поскольку нарушают принципы историзма. Однако из высказывания Кызласова остаётся непонятным, на чём основано убеждение учёного в том, что земли в верхнем течении Енисея являлись для «киргизских и бурятских князцов» (кочевавших много южнее) их «собственными» и тем более «коренными», и почему оправдание им киргизских и бурятских набегов на эти земли (сопровождавшихся сожжением селений, убийством и угоном в рабство не только русских, но и множества ясачных людей из числа подлинно коренных народов региона¹⁰) более «нравственно», чем их осуждение авторами «Истории Сибири».

⁶ См.: Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 151, 157, 165–166; *он же*. Начало казачества Сибири. С. 72–73; Зув А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 67, 157; *он же*. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 42–43; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 81, 83–84, 202; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010. С. 103.

⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 150; Ч. 2. С. 197–198; Т. 4. М., 1959. С. 18–22; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 20–37.

⁸ История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5 томах. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 44–45.

⁹ Кызласов Л.Р. Древнейшие города Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 8–9.

¹⁰ См.: Кузнецов-Красноярский И.П. Из истории южных частей Енисейской губернии. Томск, 1908. С. 4–5; Шунков В.И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 5/6. С. 262; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 42–46.

Продвижение русских на восток под пером Л.Р. Кызласова вообще представит в самом неприглядном виде, сравнивается с «чудовищным катком»¹¹. По мнению А.С. Зуева, вовсе не склонного к идеализации действий русских в Сибири, Л.Р. Кызласов пишет, «явно сгущая краски». Ю.С. Худяков критикует позицию Кызласова более основательно, а М.В. Шиловский называет её «крайностью», особенно свойственной в последнее время «историкам-националам»¹². Д.Я. Резун, касаясь в целом проблемы русско-аборигенных отношений в Сибири, пишет: «Говоря об “имперской политике”, не надо всё время кивать в сторону России. А разве калмыки, киргизы, джунгары не хотели создать великие государства “от моря до моря”? Более того, есть основания утверждать, что многие военные акции русских отрядов были вынужденные»¹³. Здесь, таким образом, мы имеем дело с расхождениями концептуального характера, а они редко заканчиваются компромиссом.

У историков в настоящее время нет единства и по ряду других вопросов, хоть и частных, но не менее важных для понимания роли военных факторов в колонизации Сибири. Так, в некоторых работах как аксиома преподносится высказанное ещё в дореволюционной историографии мнение об абсолютном военном превосходстве русских над сибирскими аборигенами благодаря огнестрельному оружию, а противника казаков представляют как существ наивных, мирных, забитых, беззащитных («непассионарных») и не способных к активному и результативному противодействию пришельцам¹⁴. Но у этой точки зрения немало и оппонентов. Ими уже давно отмечено абсолютное несоответствие столь живучего представления о «покорении Сибири» данным источников. А.П. Окладников ещё в 1943 г., описывая присоединение Якутии к России, заметил, что «было бы несправедливо отрицать храбрость завоевателей, так же как и превосходство их оружия. Однако следует учитывать, что якутские и тунгусские воины вряд ли уступали казакам в храбрости. Их куяки и железное вооружение тоже были не хуже казачьих. Якуты умели даже строить собственные крепости..., а их военный строй мало чем уступал военному строю русских отрядов»¹⁵.

С той поры в научный оборот было введено множество новых материалов, и они также свидетельствуют, что присоединение Сибири нельзя рассматривать как цепь лёгких побед казаков при их продвижении от Урала до Тихого океана, что противник русских на этом пути не был в основной своей массе ни беззащитен, ни малодушен, а, как правило, отличался воинственностью, коварством и ужасавшей европейских наблюдателей жестокостью, был хорошо

¹¹ Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан; М., 1996. С. 55.

¹² Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России: Учебное пособие. Новосибирск, 2007. С. 103–104; Шиловский М.В. Специфика колонизации США и Сибири // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 38.

¹³ Резун Д. Быть острогу и слободе (Фронт в истории Сибири и Северной Америки) // Родина. 2000. № 5. С. 77.

¹⁴ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1861. С. 370–387; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков, 1889. С. 296; Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1915. С. 15; Халитов М.Х. Не первопроходцы, а первоубийцы... // Родина. 1990. № 5. С. 75; Измайлов И. Письмо с историей, или Счёты и просчёты имперских историков // Мирас. 1992. № 11–12. С. 3–8; он же. Счёты и просчёты имперских историков // Родина. 1994. № 8. С. 28–33; Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 41; Гумилёв Л.Н. От Руси к России. С. 236–237.

¹⁵ Окладников А.П. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943. С. 76.

вооружён, опытен в ратном деле и часто наносил «государевым служилым людям» серьёзные поражения.

При этом значение «огненного боя» в покорении Сибири современными историками не умаляется, но подчёркивается, что он не был определяющим фактором русских побед. Технические несовершенства пищалей XVI–XVII вв., быстрое привыкание аборигенов к «огненному бою» и выработка ими эффективных приёмов и способов защиты от пуль, огромное численное превосходство над русскими – всё это лишь позволяло «уравновешивать» силы сторон, поддерживать их своеобразный, пусть и неустойчивый паритет.

Кроме того, в Сибири XVII в., как уже не раз отмечалось в литературе, типичной была ситуация, когда для успешного ведения боевых действий русским катастрофически не хватало не только людей, но также оружия и боеприпасов¹⁶. В той же связи исследователи обращают внимание на всё более ширившееся уже в XVII в. использование огнестрельного оружия сибирскими аборигенами. Прежде всего оно появилось у такого традиционно сильного и высокоорганизованного противника России, как южносибирские кочевники, многие из которых (о чём с тревогой сообщалось в правительственных документах), покупая тайком пищали и порох в русских городах, «пищальной... стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули»¹⁷. Но, как выясняется, не только южносибирские кочевники, но и народы крайнего северо-востока Сибири порой использовали против русских добытые у них в бою пищали¹⁸.

Какие же факторы, по мнению современных историков, определили успешный для русских исход военного противостояния на севере Азии в XVII в.? Военно-техническое преимущество русской стороны в последних исследованиях признаётся однозначно, но при этом обычно подчёркивается, что оно определялось не слабостью большинства её противников, а комплексом причин объективного и субъективного характера.

Специалисты по военному делу тюркского населения Саяно-Алтая усматривают их в следующем: «Кочевникам пришлось столкнуться с хорошо вооружённым, обладавшим огнестрельным оружием и большим опытом вооружённой борьбы против номадов могущественным противником, имевшим иные,

¹⁶ См.: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея... С. 151, 166–167; *Бродников А.А.* Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 90–93; *Багрин Е.А.* Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке // Ойкумена. 2009. № 2. С. 100–109; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 270; *Пузанов В.Д.* Указ. соч. С. 328, 359.

¹⁷ *Главацкая Е.М.* Торговля с «государевыми ясными людьми» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995. С. 124. См. также: *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимовлияние русских казаков и тюркских народов Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего Средневековья и Новое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 15. 2009. С. 223.

¹⁸ См.: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея... С. 52–57; *он же.* Начало казачества Сибири. С. 37–38, 74–75; *Элерт А.Х.* Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Археология и источниковедение Сибири: Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 247; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 41–42; *Митько О.А.* Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 194–195; *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 121–122; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 271, 301; *Пузанов В.Д.* Указ. соч. С. 73.

в большей степени соответствующие новым историческим условиям вооружённые силы и военные традиции»¹⁹.

Е.А. Багрин при изучении присоединения к России юго-восточных районов Сибири пришёл к заключению, что «тактика русских была простой и гибкой, быстро приспосабливающейся к новым условиям»: в степи в боях с кочевниками казаки стремились заставить врага в «тесных» местах, чтобы не дать ему пространства для манёвра; в противоборстве с обладавшими огнестрельным оружием маньчжурами упор делался на усиление конструкции судов и фортификационные сооружения, характерные для Европейской России, и т.д.²⁰ Противник же русских, по мнению Багрина, напротив, обычно демонстрировал неспособность адекватно воспринимать исходящую от казаков опасность и использовал обычную для межродовых конфликтов «примитивную» тактику: аборигены выходили для боя на открытое пространство скученно, стремясь запугать врага своей многочисленностью, и потому сразу же несли большие потери от огнестрельного оружия русских, не организовывали при своих укрепленных городках четкой караульной службы, что позволяло нападать на них врасплох, не имели боевого опыта в сражениях внутри города²¹. Д.Я. Резун главные причины русских побед видел в стремлении казаков, отличившись в бою, «подняться по служебной лестнице» (чего в принципе не могло быть в «родовом обществе» у аборигенов), а также «в их корпоративной организации»²².

А.С. Зуев рассматривает этот вопрос более детально – на примере взаимодействия русских с коряками, чукчами и эскимосами. Он тоже не склонен придавать решающего значения в победах русских их «огненному бою». Как полагает исследователь, «огнестрельное оружие XVII–XVIII вв. имело низкую скорострельность, его применение ограничивалось погодными условиями, владение им требовало определённых навыков, которыми из-за отсутствия соответствующего обучения обладали не все военнослужащие... Ощущался недостаток как самого оружия, так и боеприпасов к нему. Из-за техники заряжания это оружие в ближнем бою становилось почти бесполезным, в лучшем случае его можно было использовать в качестве дубины... Сами “иноземцы”, “вызнав русские порядки”, пытались совершенствовать свою тактику: шли в атаку в тот момент, когда русские перезаряжали ружья, нападали в плохую погоду». Поэтому важнейшим из определяющих победы сторон факторов А.С. Зуев считает «военный менталитет (war mentality) – комплекс ментальных установок и стереотипов поведения “человека воюющего”, который в свою очередь определяется духовными ценностями и представлениями, традициями и обычаями»²³.

¹⁹ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 222.

²⁰ Багрин Е.А. История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 40–90-е гг. XVII в. (По материалам вооружения и тактики русских служилых людей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. С. 26–27.

²¹ Багрин Е.А. Тактика ведения боевых действий русскими служилыми людьми в Восточной Сибири в 40–60-е гг. XVII в. (по материалам Прибайкалья и Приамурья) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция Ч. 1. СПб., 2010. С. 44–67.

²² Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки... Вып. 2. С. 26–27.

²³ Зуев А.С. О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2008. Т. 7. Вып. 1. История. С. 35–36.

В этой связи он отмечает психологическую неготовность аборигенов северо-востока Сибири к затяжным осадным боям, сумятицу, вносимую в ряды «иноземцев» гибелью или пленением их предводителей, представление аборигенов о некоей критической цифре потерь, допустимой в одном сражении, несмотря на боеспособность ещё значительного числа воинов. «В целом, – пишет Зуев, – при неблагоприятном для аборигенов течении боя в какой-то момент в их настроении происходил перелом, их боевой задор исчезал, и они впадали в отчаяние»²⁴. Общий же вывод исследователя таков: главные причины быстрого продвижения русских по Сибири и их устойчивых позиций здесь в период присоединения следует объяснять не отсутствием серьёзного сопротивления со стороны аборигенов, а «превосходством русского вооружения, воинского искусства и боевого духа»²⁵.

На последнее обстоятельство обращали внимание историки, стоявшие у истоков сибирской историографии (И. Фишер ставил «покорителей Сибири» даже выше героев Древней Греции и Рима, полагая, что последние вряд ли бы отважились на то, что наши сибирские герои «учинили»²⁶). «Неукротимая храбрость» казаков-землепроходцев была очевидна и для нашего современника – создателя «теории пассионарности» Л.Н. Гумилёва²⁷. Отчаянной смелостью склонны были объяснять причины казачьих побед и другие историки, включая автора этих строк²⁸, но вопрос этот, безусловно, заслуживает более пристального внимания и требует привлечения новых источников. Интересны, в частности, оценки боевых качеств казачьего войска Сибири, исходящие от противника. Они порой весьма красноречивы. Например, маньчжуры после столкновения с казаками на Амуре отзывались о них как о людях «храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе»²⁹. Чукчей, судя по их фольклору, проанализированному В.И. Кузьминых, в русских поражали и устрашали, помимо внешнего вида, «бешеная храбрость и непредсказуемость, а отнюдь не гром выстрелов»³⁰. Вряд ли, правда, такие оценки в фольклоре сибирских народов можно считать доминирующими: аналогичные исследования, проведённые другими исследователями, показывают гораздо более сложную картину³¹.

И ещё один, казалось бы совсем частный, но тоже важный и совершенно по-разному трактуемый историками вопрос. Низкая скорострельность, ненадежность и сопоставимая с «лучным боем» дальность стрельбы русских пищалей XVII в. приводили к неизбежности рукопашных («съёмных») боёв. Некоторые исследователи считают, что русские стремились избегать рукопашных схваток и удерживать противника на дальней дистанции, в подтверждение чего

²⁴ Зуев А.С. Диалог культур на поле боя (о военном менталитете народов северо-востока Сибири в XVII–XVIII вв.) // *Aus Sibirien* – 2006: научно-информационный сборник. Тюмень, 2006. С. 36–38.

²⁵ Зуев А.С. Отечественная историография... С. 85–86.

²⁶ Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 630–631.

²⁷ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 289.

²⁸ См.: Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988. С. 52–53; История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 67.

²⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 155.

³⁰ Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков: Тезисы докладов научной конференции. Томск, 1994. С. 35.

³¹ См.: Трепавлов В.В. «Белый царь»... С. 121–123.

указывают на затяжной характер многих сражений³². Однако нельзя не обратить внимания и на то, что победы в Сибири русские часто одерживали, навязывая противнику именно ближний бой – как в вылазках из осаждённых крепостей, так и в ходе полевых сражений. Известно, что русские вообще были сильны в рукопашных схватках, и это, видимо, определялось навыками, заложенными традициями «кулачных боёв», имевших сакральное значение, уходящее корнями в языческую древность, и вплоть до начала XX в. широко распространённых в народной среде (особо надо отметить бой «стенка на стенку», приучавший его участников чувствовать строй и действовать в любой ситуации согласованно)³³. Но и европейский опыт такого рода находил в Сибири широкое применение. И.Р. Соколовский, ссылаясь на «русские документы», отмечает умелые действия в рукопашном бою сибирских служилых людей польско-литовского происхождения³⁴.

Особую позицию по этому вопросу занимает О.А. Митько. Он сомневается «в принципиальной возможности частых рукопашных схваток» и ссылается при этом на повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Там говорится, что «рукопашной шашками и штыками» не бывало ни на Кавказе, «да и никогда нигде», за исключением случаев преследования бегущего противника. По мнению Митько, «косвенным подтверждением этому служит использование сибирскими казаками кистеней», поскольку «именно кистенем очень удобно добивать раненых и бегущего противника»³⁵.

Искусственность и некорректность подобных построений очевидны, как и их решительное расхождение с данными давно введённых в научный оборот источников, свидетельствующих о довольно частых и ожесточённых «съёмных боях» казаков с сибирскими аборигенами. Достаточно вспомнить хорошо известные обстоятельства походов С. Дежнёва, И. Москвитина, Е. Хабарова. Да и «аманатская имка» (обычный в практике того времени захват заложников для принуждения их сородичей к уплате ясака), как правило, не обходилась без пущи и скоротечной, но рукопашной схватки.

Довольно противоречиво выглядит по этому вопросу позиция Е.А. Багрина. Он утверждает, что у казаков «применение холодного оружия в схватках с аборигенами носило вспомогательный характер» и «никогда... не играло ведущей роли в бою», что русские в Сибири «в рукопашный бой вступали только в крайнем случае». Но вместе с тем в его же работах немало материалов и высказываний иного характера. Так, о широком применении казаками холодного оружия идёт речь при описании походов Е. Хабарова на Амур, отмечается, что «необходимость использования защитного вооружения служилыми людьми... была вызвана» в том числе и «частым решением боевых задач, связанных с ведением рукопашного боя», и что «служилым людям довольно часто приходилось ввязываться в ближний, рукопашный бой, сводивший на нет преимущество в огнестрельном оружии». «Традиционно холодное оружие использовали при обороне стен острогов и при захвате туземных городков, – пишет Багрин. –

³² *Нефедкин А.К.* Военное дело чукчей: середина XVII – начало XX в. СПб., 2003. С. 239; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 305.

³³ См.: *Никитин Н.И.* Начало казачества Сибири. С. 79.

³⁴ *Соколовский И.Р.* Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 19.

³⁵ *Митько О.А.* Указ. соч. С. 197–198.

Идя на штурм, служилые люди лишены были возможности быстро перезарядить свои пищали и мушкеты... и им приходилось вступать в рукопашную... Захват аманатов и опасность внезапного нападения, особенно во время сбора ясака, также требовали наличия у бойцов холодного оружия»³⁶.

Сибиреведам излишне напоминать, сколь часто казакам приходилось за Уралом штурмовать вражеские укрепления и брать аманатов. Остаётся сделать вывод, что противоречия и расхождения исследователей в оценках роли и места «съёмных боёв» в покорении Сибири, видимо, следует объяснять локально-временными особенностями этого процесса на столь обширной и разнородной во всех отношениях территории. Эти расхождения могут показаться мелкими и несущественными, по крайней мере по сравнению с освещавшимися выше, но, полагаю, что и они достойны специального рассмотрения, ибо имеют прямое отношение к принципиально важному для нас вопросу: насколько легко было русским «покорять Сибирь». А он для многих историков по сей день, кажется, так и не решён.

С предыдущим вопросом тесно связан ещё один, традиционно спорный в сибирской историографии: доверять ли сообщениям служилых людей о степени ожесточённости сражений и числе убитых в них «иноземцев». У сторонников господствовавшей в 1950–1970-х гг. концепции преимущественно мирного характера присоединения Сибири, утверждавших, что, будучи заинтересованными в получении наград, казаки допускали «явное преувеличение» в определении численности поверженных врагов, есть единомышленники и среди современных исследователей³⁷. Но есть, разумеется, и оппоненты, и суть их аргументации следующая.

Во-первых, как справедливо замечает А.С. Зуев, «суждение о сознательном преувеличении русскими потерь аборигенов не должно быть категоричным. Не исключено, что они преувеличивали не специально, поскольку не всегда могли подсчитать или вспомнить численность поверженного противника, оценивая его потери “на глазок”... К тому же нередко они приводили и вполне правдоподобные цифры»³⁸.

Во-вторых, как тоже отмечалось в литературе, «выпячивание заслуг» в уменьшении числа потенциальных и реальных плательщиков ясака было для казаков весьма рискованным делом, по крайней мере в XVII в. Тогда правительственные указы предписывали им «приводить иноземцев под высокую государеву руку ласкою и приветом», а в случае неудачи мирных способов принуждения к ясаку «тех непослушных людей смирять небольшим разореньем... чтоб их смирить слегка». Отсюда понятно, почему в своих отчётах и челобитьях о жалованье служилые люди, указывая число убитых в бою «мужиков» из числа «немирных иноземцев», нередко добавляли: «потому что живыми их было взять не мочно»³⁹.

³⁶ Ср.: *Багрин Е.А.* Тактика ведения боевых действий... С. 57; *он же.* Место ножа в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // *Ойкумена.* 2008. № 1. С. 46–47; *он же.* Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII – начале XVIII в. (по письменным источникам) // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования.* Т. 5. Ч. 1. Владивосток, 2007. С. 269–283.

³⁷ См., например: *Нефедкин А.К.* Указ. соч. С. 41; *Москаленко С.В., Скобелев С.Г.* Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI–XX в. // *Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья.* Новосибирск, 2001. С. 157–183.

³⁸ *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 298.

³⁹ См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 1998. С. 38–39.

В-третьих, относясь с недоверием к указываемому казаками числу убитых врагов, исследователи демонстрируют непонимание специфики такого явления сибирской жизни XVII в., как «служилый мир» – корпорация «разных чинов людей», составлявших гарнизон того или иного города⁴⁰. В своё время А.А. Преображенский, задавшись вопросом, насколько вообще правдоподобны официально оформленные показания сибирских казаков XVII в., писал: «Надо учитывать... с какой ревностью относились служилые к собственной “чести” и “службам”. Они строго следили, насколько это было в их силах и возможностях, за всеми перемещениями, назначениями, изменениями окладов, порядком верстания, чтобы соблюсти некий неписанный этикет. Отклонения от этих норм обычно влекли за собой жалобы и тяжбы, докучавшие воеводам... В такой обстановке искажение послужного списка сводилось до минимума»⁴¹. И уже к последнему времени относится работа Д.Я. Резуна, утверждавшего, что «роспись боевых заслуг казаков» в Сибири производилась «под прямым контролем казачьего круга»⁴².

С этими мнениями трудно не согласиться. Материалы Сибирского приказа свидетельствуют, что служилые люди тщательно следили за тем, как в отправляемой «государю» документации отмечаются заслуги не только их самих, но и товарищей. На оборотах «послужных списков» мы видим многочисленные «рукоприкладства» участников описываемых событий, подтверждающих достоверность изложенного⁴³. И если кто-то преувеличивал свой вклад в победу над врагом, то тем самым «искрадывал» будущие «государевы милости» у других, чего «войско» стремилось всеми силами не допустить. Потому-то так скрупулёзно фиксировались в приказной документации сведения о поведении служилого человека в бою и его ранениях, а первая резолюция властей на челобитную казака о наградном жалованье обычно гласила: «Выписать его службы»⁴⁴.

Так что преувеличения в описании служилыми людьми своих заслуг если и случались, то были минимальными, и содержащейся там информации о потерях сторон в сражениях в основном можно доверять. Кстати, её изучение привело современных историков к выводу, что боевые потери для коренного населения Сибири в целом были сравнительно невелики: даже если считать казачьи сведения о вражеских потерях «преувеличенными», то, согласно им, за период с конца XVI по начало XVIII в. в столкновениях с русскими были убиты около 6 тыс. человек (при общей численности аборигенов в 200–220 тыс. человек), т.е. в среднем около 7.5% мужского населения⁴⁵.

Рассматривая менталитет сибирских служилых, мы также вступаем в область давних и острых дискуссий. Тема эта частично уже затрагивалась выше, но она столь обширна и многогранна, что нам и далее при специальном её

⁴⁰ См.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75–107.

⁴¹ Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 382.

⁴² Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. С. 27.

⁴³ См., например, послужной список «амурских казаков», оборонявших от маньчжуров Курмарский острог в 1655 г. (Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров: Книга для учащихся старших классов. М., 1991. С. 139–140).

⁴⁴ См.: Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв... С. 104–105, 121–122.

⁴⁵ Скобелев С.Г., Москаленко С.В. Указ. соч. С. 157–183.

рассмотрении придётся ограничиться лишь некоторыми, самыми «военными» её аспектами, суть которых удачно сформулировал Д.Я. Резун: «Было время, когда о первых русских землепроходцах... было принято говорить только в положительных тонах и словах... Наступили другие времена, и в печати можно встретить уже другие характеристики, низводящие казаков-землепроходцев до фигур криминального мира»⁴⁶.

О былой идеализации русских первопроходцев довольно резко отзывается А.С. Зуев. В одной из своих последних работ он пишет: «Походы В. Пояркова и Е. Хабарова, сопровождавшиеся грабежами и избиением местного населения, под пером советских историков превратились в мирные путешествия любознательных землепроходцев. В целом при чтении достаточно большого количества работ, посвящённых русским открытиям в Сибири, складывается впечатление, что русских туда привела не погоня за пушниной, а природная любознательность и тяга к поиску неведомых земель». Замечания резонные, но к тому времени (2007 г.) уже не актуальные. По словам самого А.С. Зуева, «лакировка образа русских землепроходцев» в нашей историографии «начинает исчезать»⁴⁷. Но правильнее было бы сказать – практически исчезла. И если, например, некоторый налёт идеализации объектов своего исследования можно найти у Г.А. Леонтьевой в книгах о Хабарове и Атласове⁴⁸, то он вполне объясним спецификой этих работ. Книга о Хабарове предназначалась в первую очередь школьникам, которым трудно понять диалектику описываемой эпохи, а книга об Атласове носит «юбилейный» характер, и критический анализ поступков её главного героя был бы ещё менее уместен⁴⁹.

Что же касается противоположной тенденции – к «очернению» русских первопроходцев – то она, напротив, за последнюю четверть века набирает всё большую силу в связи с обозначившейся с конца 1980-х гг. общей тенденцией к «дегероизации» отечественной истории. Каких только оценок и эпитетов не достаивались казаки Сибири в ходе «переосмысления» нашего прошлого: «профессиональные убийцы», «конкистодоры, привыкшие убивать всякого, кто попадётся», «бродяги, авантюристы и разбойники» и т.д.⁵⁰ По наблюдениям А.С. Зуева, особенно часто подобные эмоции «перехлёстывают через край» в популярных работах и в публицистике. Там действия русских всё чаще характеризуются не иначе как «преступление», «кровавые похождения», рисуются жуткие картины «зверств» и «насилиев» пришельцев над коренным населением⁵¹. Такая трактовка исторических событий сразу же вызвала неоднозначную реакцию у нашей общественности. Известный писатель, бывший диссидент В.Е. Максимов заметил: «Так критически к своей истории не относится ни одна интеллигенция в мире. Вы почитайте двухсотлетнюю историю Америки. Что они творили! Чумные одеяла забрасывали в индейские племена... Вырезали целыми селениями... И они не стесняются по этому поводу. И только у нас

⁴⁶ Резун Д.Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 49.

⁴⁷ Зуев А.С. Отечественная историография... С. 83, 110.

⁴⁸ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров...; она же. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997.

⁴⁹ Подробнее об этих книгах см.: Никитин Н.И. Биографический жанр в сибиреведении: новые успехи и старые проблемы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 188–191.

⁵⁰ См., например: Халитов М.Х. Указ. соч. С. 75; Измайлов И. Счёты и просчёты... С. 28–33.

⁵¹ См.: Зуев А.С. Отечественная историография... С. 106–107.

этот мазохизм, это самоуничужение»⁵². Подобные замечания не могли, однако, повлиять на набиравшие в те годы тенденции, и взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири изображались в массовых изданиях обычно в самом негативном свете.

Приводимые в подкрепление негативных характеристик землепроходцев факты в большинстве случаев действительно имели место. Война – всегда крайне жестокая вещь, а в XVI–XVII вв. тем более. Нравы в эпоху покорения Сибири были весьма суровые – под стать эпохе. Ведь людей «делают обстоятельства», а «каков век – таков и человек». И это, естественно, не моё открытие, а мнение, которое ещё во времена «тоталитаризма» и «застоя» высказывали весьма авторитетные авторы. Например, крупный советский писатель, лауреат Государственной премии Н.Н. Михайлов в «парадном» издании одного из своих сочинений, приуроченном к 50-летию Октябрьской революции, писал: «Землепроходцы были людьми высокого мужества. Но они были сынами жестокого века. Казацкая вольность переливалась через край, и поиски отрядов в стремлении собрать побольше ясака часто бывали безжалостны»⁵³. А десятилетием раньше известный советский исследователь истории русских географических открытий в Арктике М.И. Белов так отозвался об одном из этих казаков-землепроходцев: «Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы с позиций наших современных представлений»⁵⁴. Якутский историк Ф.Г. Сафронов в связи с характеристикой «покорителя Приамурья» Е. Хабарова обратил внимание на воздействие «бунташного» XVII в. с его «непримиримыми противоречиями и резкими контрастами» на развитие личности и пришёл к заключению, что «люди могли быть только такими, какими их сформировало время»⁵⁵.

Вопрос о допустимости подхода к событиям далёкого прошлого с позиций современной морали и этики тоже с давних пор является дискуссионным и по сей день актуальным. Ещё Н.М. Карамзин призывал «судить о героях истории по обычаям и нравам их времени». От подхода к поступкам людей прошлого с современными мерками предостерегал П. Мериме. В современной литературе этот вопрос тоже активно обсуждается. Ю.А. Поляков полагал, что «плох историк, не соблюдающий принципов историзма в оценке событий минувшего... Нельзя судить близких и далёких предков наших по нынешним меркам»⁵⁶. Историк и писатель Н.Я. Эйдельман, исследуя вопросы историзма в научных биографиях, указывал на опасность «модернизации», подмены ранних человеческих представлений современными и считал необходимым для историка устанавливать контакт с психологией людей изучаемой эпохи. В этом вопросе его полностью поддерживает современная исследовательница из Владивостока В.Н. Чернавская⁵⁷. «Есть такая научная дисциплина – герменевтика, – пишет профессор МГУ Ф. Минюшев. – Она учит, как надо интерпретировать любое прошлое событие... Если не придерживаться её правил,

⁵² См.: Литературные новости. 1994. № 4.

⁵³ Михайлов Н.Н. Моя Россия. Кн. 1. Российские просторы. М., 1966. С. 52.

⁵⁴ Белов М.И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. Т. 2. М., 1957. С. 103.

⁵⁵ Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров. [Хабаровск], 1983. С. 6.

⁵⁶ См.: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 45–46.

⁵⁷ Эйдельман Н.Я. Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX века) // История СССР. 1970. № 4. С. 18–31; Чернавская В.Н. Указ. соч. С. 148.

можно легко скатиться к тому, что ценности и нормы лишь современной культуры будут являться единственными эталонами для истолкования прошлых фактов. Мы тогда просто приписываем людям прошлого наши сегодняшние ценности»⁵⁸.

В том же духе в последнее время высказываются многие. Но многие же придерживаются противоположной точки зрения – в том числе и в трактовках сибирской истории. Так, А.Б. Каменский сравнивает «завоевание Сибири» (Ермаком) с «преступлением» и заявляет, что хотя принципов историзма и надо придерживаться, но «мы тем не менее не можем не оценивать исторические события с позиций морально-этических норм нашего времени... чтобы знать, кто есть кто и что есть что в нашей истории»⁵⁹. Примечательно, однако, что Екатерину II он характеризует как «дочь своего времени» и считает возможным оправдывать многие её неблагоприятные, с точки зрения современной этики и морали, поступки как раз характером эпохи⁶⁰. Б.П. Полевой выразил решительное несогласие с «некоторыми авторами», которые «рекомендовали снисходительно относиться к насильственным действиям Хабарова, поскольку он был “человеком своего жестокого века”». Однако изучение документов XVII в. ясно показывает, – пишет Б.П. Полевой, – что и в те времена на крайнем востоке России существовали различные люди: одни действительно проявляли большую жестокость, но уже тогда были “начальные люди” и противоположного типа»⁶¹. Возражая Б.П. Полевому, В.Н. Чернавская замечает, что «личность человека, сыгравшего свою роль в Истории, вряд ли можно рассматривать в отрыве от Времени, породившего его»⁶².

Безусловно, соглашаясь с Чернавской, нельзя вместе с тем не согласиться и с Полевым в том, что и в «жестоком» XVII в. жили разные люди. По моему мнению (уже высказанному в печати⁶³), Сибирь знала два основных типа казака-землепроходца. Первый – это типичный конкистадор, смыслом жизни которого являлись военные походы и военная добыча. Люди эти были, как правило, не просто храбрые и выносливые, а часто ещё и авантюрного склада, отчаянные, не останавливающиеся ни перед чем для достижения поставленной цели. Поступки их, мягко говоря, далеко не всегда укладываются в современные представления об этике и морали, но нельзя не признать, что без таких «удальцов» покорение Сибири вряд ли бы состоялось. Как совершенно верно заметил Д.Я. Резун, «царское правительство понимало, что в сложной обстановке на сибирской окраине... было трудно обойтись без энергичных и инициативных, а порой и своевольных людей, и поэтому не стремилось прибегать для их обуздания к жестоким мерам»⁶⁴. Люди подобного склада были востребованы своим

⁵⁸ *Милюшев Ф.* Смешивая правду и истину // Литературная газета. 2010. № 42–43. С. 10.

⁵⁹ *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 156.

⁶⁰ *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 32, 121, 202–203, 268.

⁶¹ *Полевой Б.П.* Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 26.

⁶² *Чернавская В.Н.* Указ. соч. С. 90.

⁶³ *Никитин Н.Н.* Семён Дежнёв: первопроходец или первооткрыватель? // Преподавание истории в школе. 1999. № 2. С. 13–14; *он же.* Семён Дежнёв // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 141.

⁶⁴ *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 37.

временем и порождены им же, после чего (с наступлением другого времени) отношение правительства к ним стало меняться, и они довольно быстро сошли с исторической арены.

Землепроходцев второго типа отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность. При необходимости они неплохо проявляли себя в ратном деле, но предпочитали решать все вопросы мирным путём. Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с представителями самых разных племён и народов. Именно за такими людьми стояло будущее русской Сибири, и они тоже были порождены и востребованы не только *своим* временем, но и тем, что наступило в Северной Азии *после* её присоединения к России.

Самым известным и общепризнанным представителем сибирских служилых такого типа являлся С. Дежнёв. А.С. Зуев считает, что подобных Дежнёву людей в Сибири было крайне мало, и они «растворялись в массе тех, для кого цель оправдывала средства»⁶⁵. Полагаю, что это всё-таки преувеличение. К числу близких Дежнёву по духу и поведенческим стандартам людей можно отнести ещё ряд широко известных персонажей сибирской истории XVII в. – П. Бекетова, М. Перфильева, Я. Тухачевского⁶⁶.

То, что деятельность служилых людей «конкистадорного» типа получила в источниках гораздо большее отражение, объясняется спецификой приказной документации, менее всего нацеленной на фиксирование обыденного, и в частности мирных, «человеческих» взаимоотношений русских и аборигенов. Но о достаточно широком распространении в Сибири именно таких взаимоотношений ясно говорят пусть и отдельные, случайно выявляемые, но весьма показательные и по большей части давно известные факты. Они свидетельствуют, что у русских за Уралом среди аборигенов в XVII в. имелись «старые друзья и знакомцы», что для улаживания конфликтов сибирские «иноземцы» просили присылать к ним знающих их обычаи служилых, пользующихся у коренного населения особым доверием, что, отправляясь в поход, казак мог оставлять свое хозяйство и семью на попечение знакомого «иноземца» (как это сделал, например, Дежнёв), что «иноземцы» часто ходят к русским в гости и предупреждают их о готовящихся нападениях, что в момент смертельной опасности «иноземец» закрывает русского друга своим телом (эпизод из похода Атласова), что порой казакам удаётся отбиться от неприятеля лишь благодаря помощи ясачных якутов, тунгусов или бурят⁶⁷. И вряд ли сильно приукрашивали деятельность своих предков сургутские казаки, когда в 1805 г. в исторической справке о гарнизоне Сургута особо подчеркнули их умение приводить «в спокойствие» ясачные народы «ласковостью» – «чрез знание сургутской команды старшинами и казаками их азиатския разговоры»⁶⁸.

⁶⁵ Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 149.

⁶⁶ См.: Курилов В.Н., Люцидарская А.А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 33–37; Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова... С. 26; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.

⁶⁷ См.: Буцинский П.Н. Указ. соч. С. 332–334; Курилов В.Н., Люцидарская А.А. Указ. соч. С. 37; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 74; Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв... С. 47–49; Зуев А.С. Присоединение Чукотки... С. 386; Багрин Е.А. Место ножа... С. 55–57.

⁶⁸ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 154.

Некоторые обвинения сибирских служилых в жестокости вообще плохо согласуются с данными источников, давно введенными в научный оборот и никем пока не опровергнутыми. Так, им решительно противоречит оброненное А.С. Зуевым замечание, что с аманатами «русские особо... не церемонились, мало заботясь об их выживании»⁶⁹. Всякое, конечно, случалось между казаками и аманатами, но преобладало всё же стремление во что бы то ни стало сохранить заложников живыми и здоровыми, ибо от их благополучия напрямую зависел ясачный сбор, поэтому так распространены были в Сибири XVII в. ситуации, когда казаки сами из-за нехватки «съестного припаса» голодали, но аманатов кормили исправно. Практиковалась также с согласия сородичей замена «старых» аманатов (чтобы они в неволе не «заскорбели») на «новых». И даже отказ от уплаты ясака «под аманата» вовсе не предполагал его неминуемую казнь (как можно понять из некоторых работ), и тому в литературе есть конкретные примеры⁷⁰.

О «толерантном» отношении казаков к противостоящим им «иноземцам» историки в последнее время пишут всё чаще. Даже А.С. Зуев, рассматривающий русско-аборигенные отношения в XVII в. как в основном конфронтационные, считает нужным отметить «нейтральное оценочное восприятие русскими сибирских аборигенов», отсутствие ксенофобии⁷¹. (Лишь в XVIII в. в русских документах появляются «негативные эпитеты» в адрес чукчей и коряков, что А.С. Зуев склонен объяснять «упорным вооружённым сопротивлением» этих народов, но, возможно, тут проявилось и всё усиливающееся к тому времени проникновение в среду российского чиновного люда западноевропейского восприятия «дикарей».)

Вместе с тем «обобщённый портрет русских землепроходцев» у А.С. Зуева выглядит следующим образом: «Большинство тех, кто шёл “встречь солнцу”, первыми вступал в контакты с иноземцами и устанавливал с ними отношения, подчиняя русской власти, были людьми весьма суровыми, совершенно не склонными к сентиментальности и добродушию. Но ещё важнее то обстоятельство, что будучи в значительной части социальными маргиналами они... оказавшись в сложных объективных условиях (плохое материальное снабжение, обременённость долгами и финансовыми обязательствами) и соответствующей обстановке (слабый контроль “сверху”, враждебное окружение) без всяких колебаний вставали на стезю преступлений, прибегая к злоупотреблениям». По мнению А.С. Зуева, «контингент русских комбатантов, от начальствующего состава до рядовых, в подавляющем большинстве по менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к девиантному поведению, выходящему за рамки морально-нравственных представлений даже своего времени»⁷².

⁶⁹ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веке: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 95.

⁷⁰ См.: Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 280–281; Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв... С. 37, 50–51, 114, 126. А.С. Зуев приводит примеры другого рода, датируемые концом 1730-х гг., когда служилые люди большую часть «аманатского корму» употребили «про себя» (Зуев А.С. Присоединение Чукотки... С. 354). Возьму на себя смелость утверждать, что случай этот совершенно не типичен, по крайней мере для XVII в.

⁷¹ Зуев А.С. Отечественная историография... С. 23; *он же*. Русско-аборигенные отношения... С. 88–89, 151–152.

⁷² Зуев А.С. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 106; *он же*. Русско-аборигенные отношения... С. 87; *он же*. Отечественная историография... С. 111–112.

Действия сибирских казаков в XVII в., конечно, могли выходить «за рамки» свойственных той эпохе представлений об этике и морали – это вполне реальная вещь, официально называвшаяся в приказной документации того времени «воровством» и поступками «лихих людей». Однако остаётся открытым вопрос, насколько часто и как долго подобное происходило в Сибири. А.С. Зуевым приведён всего один пример действий, которые «перехлёстывали через край даже по меркам того времени», да и то не слишком характерный⁷³, так что разговор на эту тему получается пока беспредметным.

Среди служилых людей Сибири, особенно в наиболее удалённых регионах, действительно, было немало ссыльных уголовников и прочих маргиналов, и слабый контроль за ними со стороны администрации не мог не способствовать беззаконию и произволу, тем более что, как пишет сам Зуев, «мародёрство и жестокость являются спутниками любой, даже “цивилизованной” войны». Но то, что «контингент русских комбатантов» в течение целого столетия состоял «в подавляющем большинстве» из «отребья нации» (выражение декабриста Д.И. Завалишина, цитируемого А.С. Зуевым), никак не подтверждается приведёнными в работах Зуева источниками, и, похоже, это своё заключение он делает не на основе их анализа, а отталкиваясь от общих «ощущений эпохи». Между тем усилия властей по «наведению порядка» и последовавшее затем «качественное изменение состава самих комбатантов» (когда на смену «пассионариям» приходили «непассионарии»), которое отмечает сам исследователь⁷⁴, в свете имеющихся в нашем распоряжении материалов выглядят вполне убедительно.

Проявлением «модернизации» в подходе к событиям далёкого прошлого можно также считать квалификацию А.С. Зуевым и некоторыми другими современными историками военных столкновений русских с народами Сибири как «колониальной войны» со стороны России и «национально-освободительной войны» со стороны аборигенов⁷⁵. «Колониальная» терминология в данном случае вряд ли уместна. Во-первых, как убедительно и не раз за последние десятилетия показано исследователями, Сибирь не стала колонией России – по крайней мере в социально-политическом значении слова: за Уралом отсутствовал главный атрибут колониальной зависимости – управление территорией на основе особого (колониального) режима, отличного от того, что был в метрополии⁷⁶. Во-вторых, сами события военной истории Сибири XVII – начала XVIII в. плохо согласуются с представлениями об «антиколониальной» и «национально-освободительной» борьбе народов.

Хорошо известно, например, что одной из главных причин «чукотской войны» явились попытки российских властей воспрепятствовать нападениям чукчей на ясачных (т.е. ставших российскими подданными) коряков, юкагиров и тунгусов. «Выступая в качестве союзников одних этнотерриториальных групп, русские становились врагами других», – замечает А.С. Зуев. Как явствует из

⁷³ Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 146.

⁷⁴ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения... С. 152, 154; *он же*. Отечественная историография... С. 47; *он же*. Русские и аборигены... С. 137–138; *он же*. Присоединение Чукотки... С. 384–385.

⁷⁵ Зуев А.С. Отечественная историография... С. 105.

⁷⁶ См.: Горюшкин Л.М. О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. С. 66–67; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 9; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.

его работ и исследований других авторов, практически у всех сибирских народов были широко распространены набеги на соседей с целью грабежа, захвата рабов, а также «для испытания силы и мужества воинов», ибо «грабительские набеги на “чужаков” считались удастью и похвальным действием»⁷⁷.

В противоречии с собственным утверждением о колониальном характере «русско-аборигенных» войн находится ещё ряд заключений А.С. Зуева – в частности о том, что даже если бы русские не пытались подчинить себе народы северо-востока Сибири, «провоцируя» их на конфликты, «те всё равно проявляли бы агрессивность, которая детерминировалась их восприятием русских как “чужих – врагов”, подлежащих уничтожению. Именно поэтому, – пишет Зуев, – коряки и чукчи нередко сами выступали инициаторами столкновений. К нападениям на русских их подталкивала и такая немаловажная причина, как потребность в приобретении материальных ценностей»⁷⁸. Характерно приведенное автором свидетельство Я.И. Линденау, лично изучавшего коряков: «Чужим они подарков не делают, сами же охотно принимают подарки, но если им что дают, то они это не ценят, а рассматривают как некую обязанность, при этом исподтишка дарителя высмеивают, полагая, что всё имеющееся у чужого принадлежит им, да ещё ищут повода его убить и завладеть его имуществом»⁷⁹.

Уместно будет напомнить, что и многие другие народы Сибири XVII в. были склонны к ничем не спровоцированным, говоря современным языком, нападениям на русских. В их числе, например, ханты-мансийские племена, для которых, по словам С.В. Бахрушина, «война и военный грабёж долгое время были главным средством существования»⁸⁰. Аналогичным образом поступали и некоторые из обитавших в западносибирской тундре самодийских племен (в особенности юраки – «юрацкая кровавая самоедь»). Объектами их нападений становились как остяцкие, так и русские поселения, партии служилых людей, следовавших с казёнными грузами Северным «чрезкаменным» (через Урал) путём. Немало русских бывало при этом убито и ранено, случалось, что они по нескольку дней «сидели от той самоеди в осаде». Как выяснили ещё Н.Н. Оглоблин и С.В. Бахрушин, грабёж провозимых «с Руси» и «на Русь» продовольственных запасов и «соболиной казны», охота за потерпевшими крушение в Обской губе судами стали для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом⁸¹. Отрицание этих фактов некоторыми современными авторами не выдерживает, как показал А.Т. Шашков, никакой критики⁸².

О воинственных наклонностях и постоянных набегах на русские селения кочевых народов лесостепной и степной зоны Сибири имеется ещё больше сведений, также давно введённых в научный оборот. Причины, побуждавшие

⁷⁷ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения... С. 153; *он же*. Русские и аборигены... С. 41, 67, 155–158, 165; *он же*. Присоединение Чукотки... С. 357, 368.

⁷⁸ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения... С. 153.

⁷⁹ Там же. С. 93.

⁸⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 112–134.

⁸¹ Оглоблин Н.Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 79; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 85–118; Ч. 2. С. 6–12, 95. Новые материалы по этому сюжету введены в научный оборот Е.В. Вершининым (см.: Обдорский край и Мангазья в XVII веке: Сборник документов. Екатеринбург, 2004. С. 6; Вершинин Е.В. Бегство к свободе: русская колонизация и сибирские самоеды в XVI–XVII веке // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург, 2006. С. 110–128).

⁸² См.: Шашков А. Обдорский край в XVII столетии // Югра. 1999. № 3. С. 26–29.

кочевников к набегам на земли оседлых соседей, в Сибири были теми же, что и во всем мире, и стары как мир. Военная активность степняков коренилась в особенностях самого кочевого образа жизни: слабые производительные силы кочевого общества не могли обеспечить его всем необходимым, а периодические падежи скота и прогрессирующая при росте населения нехватка пастбищ вообще ставили кочевые сообщества на грань голодной смерти. Грабежи соседей представлялись кочевникам наиболее доступным выходом из материальных затруднений, являясь традиционным элементом ведения кочевого хозяйства, а наиболее удобным объектом для набегов чаще всего становилось оседлое, земледельческое население – вследствие его малоподвижности, распылённости и отсутствия у большинства воинских навыков⁸³. Даже современные апологеты «кочевых империй» (как, например, монгольский журналист Ч. Чойсамба, преисполненный «чувством национальной гордости» за деяния Чингисхана и Батыя) признают, что война служила для кочевника «главным источником жизни»⁸⁴.

В освещении истории русско-аборигенных отношений на севере Азии обращает на себя внимание давняя традиция нашей историографии: детально описывая (и осуждая) «жестокости» русских по отношению к аборигенам, исследователи умалчивают или упоминают лишь вскользь о «жестокостях» аборигенов по отношению к русским. Харьковский профессор П.Н. Бучинский, который в конце XIX в. попытался заострить внимание на фактах последнего рода, был заклеймен советской историографией как «откровенный колонизатор» и «реакционер»⁸⁵. Но в особенностях менталитета одной воюющей стороны вряд ли можно разобраться, не рассматривая в тех же аспектах другую сторону. И в последнее время в печати всё чаще появляются материалы, позволяющие рассматривать русско-аборигенные отношения всесторонне. «Отдельно следует сказать о боевом духе противников русских казаков, – пишет, в частности, А.Ю. Огурцов. – Современники отмечали, что крайней свирепостью и коварством отличались все сибирские аборигены, включая кузнецких татар (будущих шорцев). Иногда их безосновательно обвиняют в кротости и пассивности – напрасно. Более 20 лет кузнецкие татары ожесточённо сопротивлялись русской экспансии, беспощадно расправляясь с отдельными группами русских казаков»⁸⁶.

О былых нравах народов Сибири сохранилось немало свидетельств учёных-путешественников, чиновников и других современников. Юкагиры, например, характеризуются в этих отзывах как «кроткое», но вместе с тем «воинственное, на войне жестокое племя»; коряки – как «искони вероломные», «прегрубые, сердитые... злопамятные и немилосердные люди», которые «к убивствам че-

⁸³ См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.: Л., 1948. С. 416–419; *Очерки по истории Башкирской АССР*. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 90; *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 6; *Илюшечкин В.П.* О влиянии природных условий на формирование и развитие аграрных цивилизаций // *История взаимодействия общества и природы: факты и концепции*. Ч. 1. М., 1990. С. 118–119; *Крадин Н.Н.* Экономический фактор в образовании экзополитарных кочевнических структур // Там же. С. 120; *он же.* Общественный строй кочевников: дискуссия и проблемы // *Вопросы истории*. 2001. № 4. С. 23–24; *Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству: Взгляд из XXI века*. М., 2003. С. 30, 32, 34, 45.

⁸⁴ *Чойсамба Ч.* Завоевательные походы Бату-хана. М., 2008. С. 147, 155.

⁸⁵ *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 365–366.

⁸⁶ *Огурцов А.Ю.* Оружие (URL: <http://admnkz.info/document.do?id=93291>).

ловек кровожадные... ненавидливы и противозлобны и ни с чего чужеземца убивают». Ительменам, по мнению европейских наблюдателей, были присущи «геройский дух» и «ужасающая жестокость». Отличительными чертами этих обитателей Камчатки назывались «ярость, ненависть, лицемерие», порождающие «войны как между собою, так и с соседними народами». Чукчи же, по словам анадырских жителей, вообще «из всех племен в крае были самые воинственные»⁸⁷. А современный исследователь истории межэтнических отношений в России XVI–XVIII вв. В.В. Трепавлов отмечает такие особенности менталитета чукчей: считая себя единственным «избранным народом», они «относились ко всем своим соседям крайне высокомерно (что отразилось в языке и фольклоре)»⁸⁸.

Приведённые выше свидетельства современников, возможно, слишком субъективны и односторонни, чтобы полностью доверять им, но в распоряжении исследователей имеются аналогичные сведения чисто информативного характера, не содержащие каких-либо субъективных оценок. Из них мы знаем, например, что крайняя жестокость тазовских самоёдов проявлялась в «поругании» даже убитых врагов – победители у них «носы и у рук персты резали»⁸⁹. Енисейские киргизы отрезали уши и носы и у живых пленников. Жестоким истязаниям, как отмечают современные исследователи, подвергали перед смертью пленных русских и татары-кучумовичи с калмыками: «мучили... руки и ноги отсекали и тело резали»⁹⁰. Но особенно изощрённые, чудовищные по жестокости пытки и казни, по описаниям очевидцев, применяли к захваченным врагам народы северо-востока Сибири, в особенности чукчи: «жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги и всякие делали надругательства». Более подробное изложение этой «антологии» пыток и казней здесь вряд ли уместно: прошу поверить, что перед ними меркнут самые жестокие способы расправы русских со своими врагами в Сибири (как заметил А.С. Зувев, «документальные данные и свидетельства современников ничего не сообщают о случаях столь жестокого обращения русских с пленными») ⁹¹.

Размышляя над этой стороной русско-аборигенных отношений, О.А. Митько усматривает во многих действиях сибирских служилых людей не жестокость и коварство, а военную хитрость. «Точно так же, – пишет он, – её можно увидеть и в “коварстве” противников русских, когда, заплатив ясак и приняв сборщиков “с честью и любовью”, ночью на них нападали или, выбравшись из юрты, сжигали заживо спящих казаков... Законы войны везде одинаковы, и жестокость по отношению к врагу очень часто является лишь одним из способов доказательства своей силы»⁹². Объективная неизбежность проявления такого рода человеческих качеств отмечается и А.С. Зуевым. «И русские не

⁸⁷ См.: Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1981. С. 181; Огородников В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920. С. 31; Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 130; Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 158–159.

⁸⁸ Трепавлов В.В. Образ русского в представлении народов России XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 110.

⁸⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6.

⁹⁰ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. С. 151.

⁹¹ Христофоров В. Копье и чаша // Мир Севера. 1997. № 3. С. 79–81; Митько О.А. Указ. соч. С. 199; Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 160; он же. Русско-аборигенные отношения... С. 106; он же. Присоединение Чукотки... С. 353, 362.

⁹² Митько О.А. Указ. соч. С. 198–199.

отличались мягкосердечием. Жестокость порождала жестокость, и в результате возрастала взаимная ненависть и жажда мести, которые затрудняли переход от войны к миру»⁹³.

Рассматривая стереотипы и особенности военного менталитета сибирских аборигенов XVII в., нельзя не учитывать, что война являлась неперенным спутником (а нередко даже образом жизни) сибирских народов, и за столетия до проникновения русских за Урал у аборигенов Северной Азии формировались свои представления о том, что в противоборстве с врагом допустимо, а что нет. В этой связи вполне резонным выглядит следующее замечание А.С. Зуева (высказанное, правда, в порядке предположения): «На первых порах аборигены, исходя из собственных “социально-политических представлений”... воспринимали русских как равных, как представителей какого-то неведомого племени, случайно забредших на их территорию... с целью грабежа». И поскольку подобные ситуации были аборигенам знакомы (они «сами организовывали отряды для грабительских нападений на соседей»), «что делать с незваными гостями... хозяева уже знали по собственному опыту взаимных набегов»⁹⁴.

Разобраться в подобных ситуациях в целом и в вопросах военного менталитета в частности может помочь изучение фольклора тех народов, с которыми казаки контактировали в Сибири. В последнее время сибирскому фольклору стали уделять повышенное внимание не только филологи и этнографы, но и историки. Так, В.И. Кузьминых, анализируя чукотские мифы, демонстрирующие в основном крайне негативное отношение аборигенов к казакам, вместе с тем замечает: «Признание чукчами русских равными себе говорит о том, что пришельцы оказались достойными противниками. Чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно, и ни один народ в чукотском фольклоре, за исключением русских и самих чукчей, не назван собственно людьми»⁹⁵. А.С. Зуев также обращает внимание на то, что в фольклоре народов северо-востока Сибири «русские изображаются как очень жестокие воины», но в то же время признаёт, что военные поражения аборигенов в столкновениях с ними «заставили их уважительно относиться к пришельцам»⁹⁶. И такое отношение надо признать вполне естественным, если учитывать особенности менталитета того сурового времени, причем не только у народов Сибири и не только в XVII в.

И несколько слов в заключение. Я не ставил перед собой задачи проанализировать все работы, касающиеся сибирской военной истории, а стремился лишь определить основные направления и тенденции в её изучении на современном этапе. Не претендую также на то, чтобы эти суждения воспринимались как истина в последней инстанции, и вполне отдаю себе отчёт в том, что практически все означенные выше вопросы требуют дальнейшей и углублённой разработки. Возможности для этого у нас есть, ибо источниковая база по военной истории Сибири XVII в. далеко не исчерпана, а процесс познания прошлого, как и познания вообще, бесконечен.

⁹³ Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 160.

⁹⁴ Там же. С. 150–151.

⁹⁵ Кузьминых В.И. Указ. соч. С. 34.

⁹⁶ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения... С. 105; *он же*. Присоединение Чукотки... С. 362.